

УДК 801.73

DOI 10.17223/19986645/35/14

Е.Г. Новикова

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА В ПРОГРАММЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ ЖАКА ДЕРРИДА

В статье исследуется вопрос о роли и месте проблематики перевода в программе деконструкции Жака Деррида, и его изучение является целью данного исследования. Научная новизна исследования обусловлена тем, что философия перевода Ж. Деррида предельно редко становится предметом специального анализа. Показано, что в основе его размышлений о переводческой проблематике лежит библейский миф о вавилонском столпотворении; доказываемая, что суть позиции Ж. Деррида по отношению к проблематике перевода – стремление ценностно уравнивать оригинал и перевод (переводы).

Ключевые слова: теория перевода, философия XX в., Жак Деррида, Вальтер Беньямин, Роман Якобсон.

«Заманчиво и до некоторой степени оправданно видеть <...> перевод какой-то системы в процессе деконструкции», – пишет Жак Деррида в своем труде «Вокруг вавилонских башен» [1. С. 10], специально посвященном проблематике перевода. Суть этой работы философа (если не сказать «миссия») состоит в том, чтобы традиционным «<...> так называемым теоретическим проблемам перевода» [1. С. 25] принципиально противопоставить свою программу деконструкции, представить и осмыслить перевод как одно из ее закономерных направлений.

Ж. Деррида сегодня один из самых авторитетных мыслителей ушедшего XX в., чья программа деконструкции во многом определила основные направления мировой философской мысли второй половины столетия, задала важнейшие методологические установки и подходы в сфере современных гуманитарных наук. В частности, специальный интерес представляет вопрос о роли и месте проблематики перевода в программе деконструкции Деррида, и его изучение является целью данного исследования. Его научная новизна обусловлена тем, что философия перевода Ж. Деррида предельно редко становится предметом специального анализа [2].

В «Письме к японскому другу» французский философ прямо связывает свои идеи деконструкции с проблематикой перевода: «После нашей встречи я пообещал вам несколько своих соображений – схематичных и предварительных – относительно слова «деконструкция». В общем и целом речь шла о неких пролегоменах для возможного перевода этого слова на японский <...> Ведь если мы можем предвосхитить трудности перевода (а вопрос деконструкции от начала до конца есть также вопрос перевода и языка понятий, понятийного корпуса так называемой «западной» метафизики), не следовало бы начинать с предложения о том, что во французском слово «деконструкция» адекватно какому-то ясному и недвусмысленному значению, – это было бы

наивно. Уже в «моем» языке налицо темная проблема перевода оттого, что, в том или ином случае, может подразумеваться под этим словом <...> Более того, в немецкой, английской и прежде всего американской среде то же самое слово уже привязано к весьма различающимся аффективным или патетическим коннотациям, инфлексиям, значениям» [3. С. 53].

Действительно, сами переводы трудов французского ученого на другие языки постоянно сопровождаются интенсивной переводческой рефлексией. В.Е. Лапицкий объясняет это тем, что изначально «<...> все тексты Ж.Д. сознательно движутся *вокруг* очагов переводимости» [4. С. 19].

Принципиальна в этом смысле книга «Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия» [5], посвященная первому визиту философа в Россию. В ней содержится целый ряд материалов, связанных с именем Ж. Деррида, и открывается она его новым трудом «Back from Moscow, in the USSR» [5. С. 13–81]. В «Предисловии» к нему Михаил Рыклин, выступивший здесь в качестве переводчика, пишет: «Эта небольшая книга создает прецедент: впервые оригинал текста такого крупного современного философа, как Жак Деррида, выходит в свет на русском языке. Бывали случаи первой публикации его книг на английском, итальянском и других европейских языках, но с русским такое случается впервые. Есть и еще одно отличие: если за предыдущими публикациями работ Деррида на иностранных языках следовала публикация оригинала, то в данном случае сам перевод будет функционировать как оригинал, на месте, вместо оригинала. Жак Деррида многое сделал для разоблачения таких мифологем, как «оригинальное», «изначальное», «аутентичное», «порядок присутствия», привилегия логоса как голоса, как того, что предшествует письму. И вот оригинал его текста несводимо приобретает форму перевода» [5. С. 7].

Итак, проблематика перевода в собственном творчестве Ж. Деррида предстает как необычный жест предложения перевода «Back from Moscow, in the USSR», сделанного М. Рыклиным, в качестве оригинала (с демонстративным сохранением названия на английском, впрочем, именно на английском, а не на родном французском языке философа). Этот авторский жест Деррида определяется такой принципиальной исходной установкой его философской программы, как деконструкция логоцентризма, т.е., говоря словами М. Рыклина, стремлением «разоблачить мифологему» «привилегии логоса как голоса как того, что предшествует письму».

Формирование программы деконструкции Ж. Деррида изначально было связано с введением в мировую научную мысль оппозиции «phoné» – «grammé», «устная речь» – «письмо». Эта оппозиция была актуализирована и осмыслена им как противопоставление разных культурных позиций, традиционного для современной западной цивилизации «логоцентризма» и формируемой им самой программы «деконструкции». Как разъясняет сам философ, «логоцентризм – это европейское, западное мыслительное образование, связанное с метафизикой, наукой, языков и зависящее от логоса. Это – генеалогия логоса» [5. С. 171]. Основой логоцентризма, по мысли Ж. Деррида, является Логос как Устное Слово, Голос, звучащий здесь и сейчас и претендующий на то, чтобы быть Центром: «Это не только способ помещения логоса <...> в *центре* всего, но и способ определения самого логоса в качестве

центрирующей, собирающей силы» [5. С. 171]. При этом Ж. Деррида подчеркивает: «Центр не является центром», потому что «вся история <...> может быть представлена как ряд субституций одного центра другим <...> Центр получал различные формы и названия» (цит по: [6. С. 20]). Деконструкция Ж. Деррида – это, в конце концов, борьба с категорией Логоса как Центра, именно поэтому он противопоставил «phoné» – «grammé», «письмо», текст как письменный текст. «Письмо таило особую угрозу как философский принцип, поскольку сама возможность отчуждения, размножения идентичных дубликатов в отсутствие первоисточника полностью противостояла <...> системе иерархических эйдосов» [6. С. 38], – подчеркивает И.П. Ильин.

Вот, собственно, та изначальная позиция Ж. Деррида, основываясь на которой он и обращается к проблематике перевода. В его восприятии и интерпретации традиционная для критикуемой им «классической» теории перевода оппозиция «оригинал» – «перевод» – это типичное проявление «логоцентризма», где «оригинал» претендует на то, чтобы быть Центром, а «перевод» всегда только периферия. Понятие «оригинала» с присущими ему качествами первичности, «оригинальности», «изначальности», «аутентичности» соотносено здесь с «голосом», тогда как перевод – с «вторичным» относительно голоса «письмом». Но для Ж. Деррида особо ценными оказываются именно перевод и возможная множественность переводов – в этом он видит проявление бесконечных возможностей и продуктивности «письма».

Как указывает Н. Автономова, «часто под деконструкцией понимается такое обращение с бинарными конструкциями любого типа <...> при котором оппозиция разбирается, угнетаемый ее член выравнивается в силе с господствующим, а потом и сама оппозиция переносится на такой уровень рассмотрения проблемы, с которого видна уже не оппозиция, но скорее сама ее возможность» [7. С. 19]. Именно это и было сделано по отношению к оригиналу/переводу «Back from Moscow, in the USSR». Узаконив русский перевод «Back from Moscow, in the USSR» как оригинал, Ж. Деррида в оппозиции оригинал / перевод «выравнивал по силе» обычно угнетаемый член оппозиции «оригинал» – «перевод» с обычно господствующим ее членом – оригиналом, перенеся тем самым саму проблематику перевода «на другой уровень рассмотрения».

Так осмысление перевода стало одним из направлений общей программы деконструкции французского философа. Перевод, по Ж. Деррида, сущностно деконструктивен. Однако что это означает для него самого?

Проблематика перевода вновь актуализируется в еще одном блоке материалов книги «Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия» – в беседе с Ж. Деррида на тему «Философия и литература» [5. С. 151–186], в которой приняли участие известные российские философы и интерпретаторы Ж. Деррида Валерий Подорога, Наталья Автономова, Михаил Рыклин. В беседе данная проблематика разворачивается в двух направлениях: это вопрос о художественном переводе (о переводе стихотворений) и вопрос о переводимости / непереводимости идиом.

В частности, обсуждался эксперимент Дугласа Хофштадтера, который разослал своим друзьям во многие страны одно стихотворение Клемана Маро для того, чтобы получить как можно больше вариантов его перевода и на

этом большом и разнообразном материале исследовать возможности и границы художественного перевода. В связи с этим Н. Автономова задает следующий вопрос: «Мы всегда сталкиваемся с тем, что доступно переводу на один язык и никак не переводится на другой. Как с этим справиться? Снова невозможная задача...» [5. С. 161–162]. Ответ Ж. Деррида: «Но в то же время эта невозможная задача и есть то, с чем мы сталкиваемся на каждом шагу. Всякий раз терпим неудачу и всякий раз все-таки преуспеваем. Вот перевод – но перевод невозможен. Всегда есть что-то переведенное – переведенное изнутри стихотворения: речь идет не столько о той форме, которую мы называем переводом, сколько о том, что опыт перевода есть наипервейший опыт самого поэта. Он переживает опыт перевода и одновременно – сопротивление ему» [5. С. 162].

Здесь французский философ квалифицирует перевод не просто как один из типов означающего, но как некую метафору любого знака вообще. Для него порождение любого произведения, любого знака – это всегда своего рода «перевод»: «Всегда есть что-то переведенное – переведенное изнутри стихотворения: речь идет <...> о том, что опыт перевода есть наипервейший опыт самого поэта». «Переводом» Ж. Деррида называет самый акт создания художественного произведения, и именно и только это и позволяет осуществлять другие его переводы – переводы уже в собственном смысле слова: «Всегда есть что-то переведенное».

Более того. По мысли Ж. Деррида, «когда русский или французский поэт пишет стихотворение, он уже скрепляет печатью или подписью нечто, требующее перевода, желающее пересечь границу. Поэтому изъясняться на своем языке не значит заслоняться от перевода, не значит препятствовать ему. Напротив, это значит требовать перевода, взывать о переводе» [5. С. 161]. «Перевод» предстает у Деррида еще и метафорой понимания.

Проблематика понимания развивается и на материале обсуждения переводимости / непереводимости идиоматических выражений. Еще один вопрос Н. Автомоновой: «И как <...> соотносится: своеобразное – с универсальным, детали и частности – с желанием быть понятым, услышанным? Вчера в лекции этот вопрос фактически формулировался Вами так: можем ли мы примирить, согласовать «идиоматическое» и «рациональное»? Возможен ли вообще выбор между тем и другим? В самом деле, вот мы сталкиваемся, на одном полюсе, с массой особенностей – национальных, культурных и др. <...> На другом же полюсе – с глубоко ощущаемой каждым человеком потребностью обобщения, понимания» [5. С. 158].

Отвечая на него, Ж. Деррида, прежде всего, уточняет тот контекст, в котором он обратился к вопросу об идиоме в своей лекции: «<...> я бы подчеркнул, что невысказанное <...> или неведомые возможности языка, упоминавшиеся вчера во время лекции, не есть просто нечто находящееся вне языка, оторванное от идиомы. Невысказанное <...> тесно связано с высказываемым, это не просто нечто нейтральное, это не пустота, не что-то негативное» [5. С. 158–159]. Как видим, у Ж. Деррида вопрос об идиоме поворачивается иной стороной: его интересует не столько ситуация понимания, сколько ситуация высказывания, не позиция адресата, а позиция адресанта прежде всего.

При этом философ вновь использует деконструктивный принцип выравнивания членов оппозиции, в данном случае оппозиции «высказываемое» / «невывказанное» в идиоме: «Невыказанное <...> тесно связано с высказываемым, это не просто нечто нейтральное, это не пустота, не что-то негативное. Невыказанное детерминировано, оно детерминируется самой своей связью с тем, что <...> высказывается или репрессируется, однако не обязательно репрессируется, даже если невыказанное располагается глубже, чем психологическое вытеснение и полицейское подавление: невыказанное не есть все, что угодно, это не просто не-язык, не просто нечто чуждое тому, что высказывается или пишется. А раз так – вы должны, точнее, мы должны артикулировать это детерминированное невыказанное через то, что говорится или уже сказано <...> Таким образом, проблема в том, как примирить ценность идиомы, которая в известной степени непереводаима (ведь нет ничего абсолютно непереводаемого, как нет ничего абсолютно переводаемого), словом, как примирить непереводаемое и перевод, как примирить идиоматический язык со всеобщим разумом <...> Конечно, это очень трудная, почти невозможная задача, и в качестве таковой я бы определил ее следующим образом: сохранять идиому и сохранять перевод, сохранять прозрачность перевода» [5. С. 159–160]. Выравнивание членов оппозиции «высказываемое» / «невывказанное» в идиоме Ж. Деррида осуществляет за счет выявления их неразрывной связи между собой, подчеркивая, прежде всего, то, что «невывказанное» всегда детерминировано «высказываемым». На этой основе он получает возможность и право выравнивания таких оппозиций, как «переводимое» / «непереводаемое», «идиоматический язык» / «всеобщий разум»: «сохранять идиому и сохранять перевод, сохранять прозрачность перевода».

Как уже было упомянуто выше, ключевая работа Ж. Деррида о проблематике перевода – «Des tours de Babel» (1985), «Вокруг вавилонских башен» [1. С. 7–77]. Вот что здесь он пишет о Вавилоне: «Если присмотреться <...> к рассказу или мифу о Вавилонской башне, он не просто образует какую-то фигуру среди прочих. Говоря по меньшей мере о неадекватности одного языка другому, одного места в энциклопедии другому, языка самому себе и смыслу и т.п., он вместе с тем говорит о необходимости фигуральности, мифа, тропов, оборотов, неадекватного перевода <...>» [1. С. 9].

Текст, который в сознании Ж. Деррида теснейшим образом связан с проблематикой перевода, – это библейская история о вавилонском столпотворении, исходный европейский миф о возникновении разных языков: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Синар равнину и поселились там <...> И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес <...> И сошел Господь посмотреть город и башню <...> И сказал Господь: вот, один народ и один у всех язык <...> сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню). Посему дано имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11, 1–9).

«Вокруг вавилонских башен» разворачивается как диалог с двумя мыслителями – это Роман Якобсон и Вальтер Беньямин. Ж. Деррида работает здесь с такими их классическими трудами по переводческой проблематике, как

«О лингвистических аспектах перевода» Р. Якобсона [8] и «Задача переводчика» В. Беньямина (цит. по: [1. Приложение]).

Р. Якобсон выступает у Ж. Деррида как представитель той «классической» теории перевода, которую он стремится деконструировать. Казалось бы, сочувственно воспроизводя известную классификацию Р. Якобсона о трех типах перевода, внутриязыковом, межъязыковом и межсемиотическом, Ж. Деррида сосредотачивается на определении, данном ученым межъязыковому переводу, как «перевод собственно говоря», «собственно перевод» [1. С. 22–23]. Эта формулировка Р. Якобсона, по мысли Ж. Деррида, указывает на «<...> возможную проблематичность этой успокоительной триадизации» [1. С. 24]: «<...> когда речь заходит о переводе «собственно говоря», другие употребления слова «перевод» оказываются в ситуации внутриязыкового и неадекватного перевода, как метафоры, в общем-то, обороты или повороты перевода в собственном смысле. Словно бы, стало быть, имеется перевод в собственном смысле и перевод в смысле переносном. И чтобы перевести один в другой – внутри одного и того же языка или с одного языка на другой, в смысле переносном или собственном смысле, – вступаешь на путь, который скоро обнаруживает возможную проблематичность этой успокоительной триадизации» [1. С. 23–24]. Квалификация одного из типов переводов как «перевода собственно говоря», по мысли Ж. Деррида, не только отменяет предложенную Р. Якобсоном систему и иерархию, но разрушает переводческую позицию в целом, истинную установку на перевод; здесь же у французского философа появляется такое определение, как «лингвистический империализм» [1. С. 24]. Обращение Ж. Деррида к работе Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» заканчивается следующим образом: «Но никакому теоретизированию <...> не возвыситься над вавилонским действием» [1. С. 25].

В свою очередь, изначальная близость позиций Ж. Деррида и В. Беньямина – в том, что последний также не приемлет «<...> традиционной теории перевода» (цит. по: [1. Приложение. С. 93]) и его работа также во многом направлена против нее. Анализируя его «Задачу переводчика», Ж. Деррида сосредотачивается, прежде всего, на названии: какова задача переводчика? Подход В. Беньямина к переводу осуществляется через фигуру и позицию переводчика, он размышляет о той самой установке на перевод и его необходимость, о той самой истинной переводческой позиции, отсутствие которой Ж. Деррида выявил в предыдущем исследовании. В качестве ответа на этот вопрос он приводит следующее описание переводческой деятельности, принадлежащее В. Беньямину: «<...> перевод вместо того, чтобы уподобляться по смыслу оригиналу, должен, скорее, в движении любви и вплоть до деталей провести в свой собственный язык, как и во что целил оригинал: таким образом <...> оригинал и переводы становятся опознаваемыми как фрагменты некоего большего языка» [1. С. 50–51]. «Последуем же за этим движением любви, за жестом того любящего (liebend), который работает в переводе», – восклицает вслед за ним Ж. Деррида [1. С. 51]. Задача переводчика – любить. «Такова, по крайней мере, моя интерпретация – мой перевод, моя «задача переводчика», – продолжает Ж. Деррида далее. – Это-то я и назвал договором

перевода: гимен или договор о супружестве с обещанием произвести ребенка» [1. С. 52–53].

Очевидно, что подход к «задаче переводчика» как к акту любви и «договору о супружестве» изначально ценностно уравнивает оригинал и его перевод (переводы). У В. Бенъямин они становятся равнозначными «фрагментами» общей жизни произведения как «некоего большего языка». Эта общая жизнь произведения в оригинале и в переводах – одна из важнейших идей немецкого мыслителя, он называет переводы «особой, высокой формой жизни» оригинала (цит. по: [1. Приложение. С. 92]): «Переводы, являющие собой нечто большее, чем передачу содержания, возникают на свет именно тогда, когда пережившее свое время произведение достигает периода славы <...> Жизнь оригинала каждый раз достигает в них еще более полного расцвета» (цит. по: [1. Приложение. С. 92]). Переводы – это расцвет оригинала, и произведение воспринимается В. Бенъямином как их историко-культурное единство.

Эту мысль также подхватывает и по-своему развивает Ж. Деррида: «Бенъямин <...> говорит, в переводе оригинал увеличивается, он скорее растет, чем себя воспроизводит, и я добавлю: как дитя <...>» [1. С. 53]. «Оригинал – первый должник, – пишет Ж. Деррида также, – первый проситель, он начинает с нехватки и вымаливания перевода. Просьба эта не только со стороны строителей башни <...> дав свое имя, Бог тем самым воззвал к переводу» [1. С. 41].

Так проблематика перевода в размышлениях Ж. Деррида возводится в конечном счете к Божественной инстанции. Думается, проблематика Бога, активно присутствующая во всех размышлениях философа, является некоей высшей точкой, в которой логоцентризм и программа деконструкции сливаются воедино.

В «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только» [9] волнуемый философа вавилонский миф разворачивается в размышления о судьбе имени самого Бога после произведенного им смешения – и это именно проблематика перевода: «<...> по сути неразрешимая проблема перевода (имя собственное принадлежит и не принадлежит к языку)» [9. С. 389]. В связи с этим философ задается вопросом о принципиальной непереводаемости любого имени собственного и квалифицирует данную ситуацию как «double bind»: «Своим деконструктивным жестом YHWH одновременно требует и запрещает, чтобы его имя собственное было понято в языке, предписывает и перечеркивает перевод, обрекает на перевод – невозможный и необходимый. И если эта double bind захватывает прежде всего YHWH, если каждый раз, когда эта double bind имеется в структуре имени собственного, имеется и «Бог», имя Бога <...>» [9. С. 389]. «Double bind» в современной философской мысли – это, в более специальном смысле, «специфическая структура, где информация текста противоположна информации, которая предполагается из контекста» [10. С. 31], а в смысле более широком – структура, организованная неразрешимым конфликтом заложенной в ней информации. Деррида, в сущности, утверждает, что любой перевод – «невозможный и необходимый», «double bind».

В работе «Вокруг вавилонских башен» Ж. Деррида размышляет о том, что когда Бог дает земным людям свое имя, он тем самым определяет – дает высшую санкцию – на перевод: «Именно начиная с имени собственного Бога, исходящего от Бога или от отца (ясно сказано, что ЯХВЕ, имя непроемное, на башню *сходит*) и им помеченного, и рассеиваются, смешиваются или преумножаются языки» [1. С. 17]. Так разворачивается проблематика Бога – Логоса, смешавшего языки земных людей: «Давая свое имя, давая все имена, отец стоит у истока языка <...> и власть эта по праву принадлежит Богу-отцу <...> Но это также и тот Бог, который, движимый гневом <...> аннулирует дар языков или, по меньшей мере, запутывает и замутняет его, сеет смешение среди своих сыновей и отравляет этот подарок» [1. С. 12]. Вот почему в названии статьи – не одна башня, как это было в библейском мифе, но «башни», не изначальный Логос, но множество земных языков – следовательно, и множество переводов. Поэтому закономерно, что тема Бога как высшей инстанции перевода переходит в «Вокруг вавилонских башен» в вопрос о переводе сакральных текстов, Священного Писания: «Это – самая вавилонская нота в анализе Святого Писания как модели и предела любого письма, во всяком случае – любого *Dichtung*’а в его бытии-для-перевода. Священное и бытие-для-перевода не дают помыслить себя одно без другого. Они производят друг друга на краю одного и того же предела» [1. С. 53]. И завершает свою работу о переводе Ж. Деррида цитатой из Мориса де Гандильяка: «Ибо в какой-то степени все великие писания, но в наивысшей – Св. Писание, содержат в себе между строк свой виртуальный перевод. Внутрострочная версия священного текста – вот образец и идеал для любого перевода» [1. С. 77]. Этими словами представляется уместным закончить и данное исследование проблематики перевода в программе деконструкции Ж. Деррида.

Литература

1. Деррида Жак. Вокруг вавилонских башен / пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. СПб.: Академ. проект, 2002. 111 с.
2. Нестерова Н.М. Наука о переводе: Герменевтика vs деконструктивизм // Филологические науки, 2006. С. 235–238.
3. Деррида Жак. Письмо к японскому другу (пер. А. Гараджи) // Вопр. философии. 1992. № 4. С. 53–57.
4. Лапицкий В.Е. Вместо напутствия // Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного / пер. с фр., предисл. и коммент. В.Е. Лапицкого. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 6–22.
5. Жак Деррида. В Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. 199 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. 253 с.
7. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Жак. О грамматологии. М., 2000. 511 с.
8. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.
9. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / пер. с фр. Г.А. Михалкович. Минск: Современный литератор, 1999. 832 с. (Классическая философская мысль).
10. Мурашов Ю. Восстание голоса против письма: О диалогизме Бахтина // Новое лит. обозрение. 1995. № 16. С. 31–35.

TRANSLATION ISSUES IN JACQUES DERRIDA'S DECONSTRUCTION PROGRAM

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 3(35), pp. 179–188.

DOI 10.17223/19986645/35/14

Novikova Elena G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: translation theory, philosophy of 20th century, Jacques Derrida, Walter Benjamin, Roman Jakobson.

One of the most authoritative thinkers of the past 20th century nowadays is Jacques Derrida, whose program of deconstruction both largely determined the main directions of the world philosophical thought in the second half of the century and set major methodological attitudes and approaches in the field of contemporary humanities. In particular, the question of the translation issues role and place in Derrida's deconstruction program is of special interest and its investigation is the aim of this research. Its scientific novelty is determined by the fact that Derrida's translation philosophy extremely rarely acts as a special analysis subject.

In his *Letter to a Japanese Friend* the French philosopher directly links his ideas of deconstruction to the translation issues. Hence an intense translation reflection constantly accompanies the very translated versions of the French scientist's works into other languages. The book *Jacques Derrida in Moscow: The Deconstruction of a Travel* dedicated to the first visit of the philosopher to Russia is fundamental in this sense. It offers translation issues of Derrida's own works as an unusual gesture of representing the translated version of his new work *Back from Moscow, in the USSR* made by M. Ryklin as an original one (with a demonstrative English title). This author's gesture of Derrida is determined by principles of his philosophical program of logocentrism deconstruction.

His translation conception is focused on the deconstruction of the traditional translation theory bases. Particularly, he considers its traditional "original text – translated version" opposition to be a typical "logocentrism" manifestation, which pretends to claim the "original one" to be the "center" and the "translation" to be nothing more than a periphery. But Derrida especially appreciates the translation and the possible translation multiplicity since he regards it as a manifestation of infinite possibilities and productivity of "writing".

His reflections on translation issues are based on the biblical myth of the Babeldom, which he appeals to in a number of his works. Thus in his work *The Post Card: From Socrates to Freud and Beyond* the philosopher dwells on the Babylon myth in the reflections on the fate of the name of God Himself after the confusion, which is exactly translation issues.

Des tours de Babel (1985), or *Around the Towers of Babel* is the key Derrida's work on translation issues. The work is arranged as a dialogue with both R. Jakobson's article "On Linguistic Aspects of Translation" and W. Benjamin's essay "The Task of a Translator". Derrida represents Jacobson as a representative of the "classical" translation theory, which Derrida seeks to deconstruct. The initial closeness of Derrida's and Benjamin's positions is that the latter also rejects the traditional translation theory. He estimates the values of an original text and its translation(s) as equal and believes translations to be the zenith of an original text, interpreting both the original and translations in their historical and cultural unity.

Partly borrowing these Benjamin's propositions, Derrida raises translation issues to a new level and interprets them in the light of the Babylon issue of God who confused the languages of the earthly people. Derrida's *Around the Towers of Babel* turns the issue of God as a supreme translation authority into the question of the Scripture sacred texts translation. As M. de Gandillac did earlier, Derrida asserts: "The intralinear version of the sacred text would be the model or ideal of any possible translation in general".

References

1. Derrida J. *Vokrug vavilonskikh bashen* [Around the Towers of Babel]. Translated from French by V. E. Lapitskiy. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2002. 111 p.
2. Nesterova N.M. Nauka Publ. o perevode: Germenevtika vs dekonstruktivizm [Translation studies: Hermeneutics vs. deconstruction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2006, no. 291, pp. 235–238.
3. Derrida J. Pis'mo k yaponskomu drugu (per. Alekseya Garadzhi) [Letter to a Japanese Friend (transl. by A. Garadzha)]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 4, pp. 53–57.
4. Lapitskiy V.E. *Vmesto napustviya* [Instead of parting words]. In: Derrida J. *Ukhobiografii: Uchenie Nitsshe i politika imeni sobstvennogo* [Otobiographies: The teaching of Nietzsche and the

politics of the proper name]. Translated from French by V. E. Lapitskiy. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2002, pp. 6-22.

5. Petrovskaya E.V., Ivanov A.T. (eds.) *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* [Jacques Derrida in Moscow: the deconstruction of a journey]. Moscow: Kul'tura Publ., 1993. 199 p.

6. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow: Intrada Publ., 1996. 253 p.

7. Avtonomova N. *Derrida i grammatologiya* [Derrida and grammarology]. In: Derrida J. *O grammatologii* [Grammarology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem Publ., 2000, pp. 7-110.

8. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 361-368.

9. Derrida J. *O pochtovoy otkrytke ot Sokrata do Freyda i ne tol'ko* [The Post Card: From Socrates to Freud and Beyond]. Translated from French by G. A. Mikhalkovich. Minsk: Sovremennyy literator Publ., 1999. 832 p.

10. Murashov Yu. *Vosstanie golosa protiv pis'ma: O dialogizme Bakhtina* [Rebellion of voice against writing: On Bakhtin's dialogism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 16, pp. 31-35.